

УДК 81'22

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА, ПОРОЖДАЕМЫЙ РАССОГЛАСОВАННОСТЬЮ В ПРОЯВЛЕНИИ «ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ» ЗНАКОВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Е. В. Трофимова

COGNITIVE POTENCY OF LANGUAGE DUE TO MISMATCH IN REPRESENTATION OF "CREATIVE ACTIVITY" OF THE SIGN COMPONENTS

E. V. Trofimova

В статье, на примере слога и морфемы, ударения и просодической схемы слова, рассматривается степень участия единиц плана выражения и плана содержания в эволюционных преобразованиях языка.

Ключевые слова: *слог, морфема, ударение, просодическая схема слова, эволюция языка, языковой знак.*

The article deals with the degree of expression plan and content plan participation in the evolutionary language transformations on the material of syllable and morpheme, stress and prosodic scheme of a word.

Keywords: *syllable, morpheme, prosodic scheme of a word, language evolution, linguistic sign.*

Язык, как известно, принадлежит к числу самонастраивающихся сложных нелинейных систем. Его «самонастраиваемость» проявляется в том, что все изменения, происходящие в языке, не находятся в светлом поле человеческого сознания, хотя, безусловно, отражают потребности коммуникативной деятельности индивидов. Вполне вероятно, что любая сознательная перестройка языка привела бы к весьма плачевным результатам. Другое дело, что для лингвистов (а также философов и психологов) важно понять, как работает сам механизм языкового преобразования и каковы его универсальные принципы. Здесь я хочу остановиться лишь на одной проблеме, связанной с эволюцией в языке – асимметричной организации языкового знака.

Антиномия *симметрии/асимметрии* является одной из главных антиномий мироздания, определяя нерасторжимость единообразия и многообразия, соразмерности и несоразмерности в природе и обществе, а в мире научных идей может быть сопоставлена с редукционизмом и плюрализмом. В. Г. Гак в своей итоговой работе «Языковые преобразования» [4] посвятил целую главу исследованию феноменов *симметрии / асимметрии* в лингвистике. Он отмечает, что «асимметрия играет огромную роль в жизни языка и составляет одну из основных трудностей для теоретического осмысления языковых фактов. Можно сказать без преувеличения, что если бы не было языковой асимметрии, то отпала бы в значительной степени потребность в теоретическом языкознании» [4, с. 106].

Считается, что асимметрический характер языковых знаков обеспечивает достаточно высокий уровень самостоятельности составляющих знака в процессе языкового эволюционирования. Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о степени участия плана выражения и плана содержания в языковых преобразованиях. Так, М. Б. Арапов полагает, что «процесс изменения означающих происходит на фоне сохранения означаемых, которые эволюционируют медленнее» [2, с. 104]. Диаметрально противоположную позицию занимает Л. Г. Зубкова, отмечая, что «явление непараллельности звучания и значения, воз-

веденное в абсолюте, породило иллюзию большей, чем она есть, автономности плана выражения по отношению к плану содержания» [6, с. 482]. Позиция М. М. Маковского отражает плюралистический подход к данной проблеме: «В одних случаях те или иные фонетические комплексы «пропускают» любые значения, а в других – только определенные; в одних случаях одно и то же значение сочетается с разными фонетическими комплексами, в других – только с определенными» [10, с. 112 – 113].

Итак, встает вопрос: что же дальше от стабильности – форма или содержание? На первый взгляд, безусловно, верным кажется следующее рассуждение: фонетические структуры более природны, ибо они – материя в чистом виде. Отсюда означающее синергетичнее означаемого и, следовательно, оно активнее включено в эволюционный процесс. Однако это лежащее на поверхности умозаключение построено на ложных посылах, ибо свобода природной материи весьма условна, поскольку она неодинаково преобразуется в различных языках. Если подойти к решению данного вопроса с позиции «осуществленной реальности», то прав окажется М. М. Маковский: действительно, при одном означающем в языке наблюдаются разные означаемые (омонимия, многозначность), и наоборот, при одном означаемом имеют место быть разные означающие (например, дублетные формы лексем). Однако рассуждая таким образом, мы не решаем главной проблемы: почему происходят сами изменения? Поэтому предлагаю посмотреть на знаковую асимметрию с другой стороны: какой из «внутризнаковых» процессов обладает большей объяснительной силой – преобразование в области формы или же значения? Поскольку основное содержание статьи базируется на соотношении таких разноплановых единиц, как фонема, слог и морфема, то, прежде всего, необходимо сопоставить их статусные роли по отношению друг к другу.

Когда мы вторгаемся в новые области и пытаемся с их помощью решить старые проблемы, разумнее идти от простого к сложному, а не наоборот. Недаром же структуралисты так активно эксплуатировали фонетику, а в качестве единиц плана содержания для ис-

следования брали морфемы. Последуем их примеру и обратимся к слогу. Считается, что структура *CV* представляет универсальный слог. Почему? Как известно, согласные – ртосмыкатели, гласные – ртораскрыватели [3, с. 161]. В результате сочетание *согласный плюс гласный* – это единство движения от $-1 < 0 < +1$. А. Н. Алексахин отмечает: «Что же объединяет ртосмыкание и рторазмыкание в единое целое? Это единство и неуничтожимость артикуляционного движения в рамках артикуляторно взаимосвязанных верхней и нижней челюстей, образующих различные растворы челюстного угла относительно индифферентного его состояния» [1, с. 74]. Исходя из вышесказанного, нельзя говорить о том, что слог состоит из фонем, более того, неверным будет сказать, что слог состоит из аллофонов. Аллофоны составляют морф, а фонемы входят в состав морфемы, но не слога. Слог первичен по отношению к фонемному составу морфемы, с языковой точки зрения, он – единица не членимая, первичная, а с диахронических позиций – природная. Можно сказать, что первоначально слог и морфема составляли единое целое, то есть не существовало двух изоморфных единиц – слога и морфемы (как, например, в современном китайском языке), а была примитивно семантизированная звуко-символическая синкретическая единица – слогоморфема.

Таким образом, слог континуален, а морфема дискретна. Может показаться, что континуальность слога делает его более лабильным, податливым к воздействию среды. Однако это не так. Для того, чтобы произошли изменения в такой устойчивой однообразной структуре, как слог, то есть для того, чтобы слог перестроился, нужен толчок извне.

Теперь можно перейти к решению проблемы, обозначенной в заглавии статьи. С целью дать ответ на вопрос о взаимоотношении формы и содержания, предлагаю рассмотреть несколько конкретных примеров, отражающих системную перестройку в языке, причем анализу будут подвергаться как синхронические, так и диахронические явления. Первый пример связан с падением редуцированных в древнерусском языке. Обычно данный процесс объясняют перестройкой слоговой структуры: коль скоро редуцированные фонемы исчезли, запрет на образование закрытых слогов перестал действовать. Полагаю, что причинно-следственная связь обозначена в данном случае неверно. Во-первых, слог – своеобразный мини-текст на уровне означающих языка, следовательно, в нем должен действовать закон сильных позиций – абсолютного начала и абсолютного конца, что и обеспечивает слоговую устойчивость. Во-вторых, результаты экспериментальных фонетических исследований показывают, что практически все слоги в слове, кроме завершающих, открытые, причем последний слог, даже если он оканчивается на согласный, имеет слабое примыкание [3, с. 22]. Практически те же результаты были получены в психолингвистическом эксперименте с детьми, еще не умеющими читать, и неграмотными взрослыми [15, с. 53 – 74]. В действительности, падение редуцированных было вызвано необходимостью усилить подвижность морфемы, повысить значимость составляющих ее элементов, в первую очередь, согласных, обладающих в русском языке большей, по сравнению с гласными, информативно-

стью: комбинаторные возможности согласных в результате падения редуцированных резко возросли, поскольку количество информации обратно пропорционально встречаемости элемента. Следовательно, данный пример демонстрирует явную зависимость формы знака от ее содержания. Чтобы показать, что «драматические отношения» между слогом как элементом плана выражения и морфемой как единицей плана содержания касаются не только русского языка, рассмотрим соотношение этих реалий в китайском языке. Для китайского языка, сформированного по корневному принципу, «невыгодно» было освобождать морфему от «слоговых пут». Тем не менее абсолютно прав А. Н. Алексахин, противопоставляющий китайский слог и морфему по составу. Он отмечает, что китайский слог неподвижен, морфема же членится на отдельные фонемы [1, с. 72 – 78]. К сказанному могу добавить, что, по-видимому, окончанием синкретичности слогоморфемы в китайском варианте следует считать появление тонов. Китайские тоны не аналог русского ударения, а аналог комбинаторных перестроек в составе морфем. Таким образом, и в китайском, и в русском языках причина перестройки системы в данном случае одна и та же – потребность в расширении семантического пространства, хотя способы преодоления инертности физической материи различны (необходимо пояснить, что тоны в китайском языке семантизированы).

Обратимся теперь к анализу слога и морфемы, но не в аспекте системно-структурных диахронических отношений, а с позиции антропоцентрической синхронии. Именно в речевом функционировании, в которое постоянно вторгается лингвистическая деятельность, пусть самого наивного носителя, легко обнаруживаются особенности контактирования слога и морфемы. Если большинство фонетистов-экспериментаторов, как уже отмечалось выше, настаивают на преимущественно открытом характере слога в русском языке, то результаты психолингвистических экспериментов со взрослыми носителями русского языка свидетельствуют о том, что при возможности выбора между структурой открытого и закрытого слога приоритет отдается последнему: *шап-ка*, но не *шапка* [15, с. 35 – 53]. Реципиенты, разумеется, бессознательно, перестраивают слог по образу и подобию структуры корневой морфемы в русском языке (подавляющее число корней изоморфны закрытому слогу). Тем не менее на данный момент иная структура интуитивного слога по сравнению с фонетическим не приводит к перестройке объективно существующей слоговой системы языка: фонетический и интуитивный слоги мирно сосуществуют в системе разных языковых координат – физической и психической. Таким образом, слог как физическая единица обеспечивает стабильность, морфема как минимальная смысловая единица потенциально способна порождать при соединении с другими морфемами иные смыслы; интуитивный же слог, образуемый на уровне сознания носителя, представляет собой гибридную единицу, возникающую в результате бессознательного стремления преодолеть жесткую заданность слоговой структуры. Сам факт семантизации незнаковых единиц в сознании человека весьма показателен. Он демонстрирует, что любое языковое изменение, вероят-

нее всего, результат «заинтересованности» языка (не только в системной, но и в антропоцентрической его части) в расширении семантического пространства.

И наконец, последний пример, призванный показать разграничение функций плана выражения и плана содержания, относится к типологии словесного акцента. Природное ударение связано с формой языка, однако функционально оно обслуживает как форму, так и содержание. Поэтому условно это явление можно обозначить как формально-содержательное. Данный дуализм был снят Т. М. Николаевой, предложившей ввести более широкое, чем ударение, понятие – *просодическую схему языка*, под которой она понимает «модель распределения сильных и слабых точек реализации параметров просодии в пределах слова, независимо от места и способа реализации ударений» [12, с. 19]. Ударение рассматривается автором исключительно в перцептивном аспекте и определяется следующим образом: «Ударение есть то, что слышится как ударение» [12, с. 21]. Диахронически просодическая схема предшествует ударению, она ответственна за сохранение целостности слова и, по-видимому, может быть отнесена к числу универсальных языковых средств. Для большинства языков просодическая схема строится по принципу качественно неоднородной двувёршинной модели. Сильная точка интенсивности находится в начале слова, а сильная точка количественного параметра – в конце. Согласно гипотезе Т. М. Николаевой, в процессе эволюции наблюдается постепенное усиление некоторых слогов, что и приводит к появлению ударения. «Если слоги усилить, то эта увеличенная «слышимость» пройдет через тот порог перцепции, после которого слог уже воспринимается как ударный [там же]. Таким образом, если просодическая схема выполняет роль объединителя слогов в слове, а в реальной речи в такте, причем объединителя, никак не соприкасающегося с семантической структурой языковой единицы и не ответственного за нее, то ударение, напротив, непосредственно направлено на семантику слова и даже в тех случаях (а для русского языка их большинство), когда оно не является единственным фонологическим средством, ударение играет роль различителя языковых единиц: «... Даже самое изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что привыкло слышать» [16, с. 118].

Когда и почему в процессе эволюции происходит становление такой единицы, как ударение? Думается, что это вызвано необходимостью получения дополнительного языкового пространства для реализации успешного функционирования языковых единиц. Развитие языка, увеличение его общей семантической массы приводит к дефициту сегментных языковых средств. Потребность в выражении новых смыслов вынуждает язык прибегать к использованию таких супraseгментных возможностей, как акцентирование или тонирование. Отсюда понятно, что должна быть определенная корреляция между типом акцента и особенностями сегментной структуры языковых единиц, поскольку в системе все взаимосвязано. «Любой язык есть система, все части которой органично согласуются и взаимосвязаны. Есть ощущение того, что это целое изменилось бы, если бы хотя бы одна из его составных частей отсутствовала или была другой» [14, с. 91]. Что касается места фиксированного ударе-

ния, то, скорее всего, его следует оценить как более высокую «вершину» просодической схемы. Любопытно, что, как правило, фиксированное ударение совпадает с одной из двух позиций просодической схемы, акцентируя первый или последний слог в слове. Полагаю, что неплохо было бы сопоставить начальный (динамический) и конечный (квантитативный) участки просодической схемы с начальным и конечным фиксированным ударением в условиях фонетического эксперимента. Если эксперимент подтверждает наличие такого рода соответствия, мое предположение о том, что фиксированное ударение есть лишь модификация просодической схемы, подтвердится. Во всяком случае, многие тюркологи отмечают, что, например, в современном узбекском языке значительное количество слов имеет ударение не на традиционном для него последнем слоге: «На современном этапе развития узбекского языка присутствие во многих словах ударения не на последнем слоге, и разноместность его во множестве вошедших в узбекский язык слов, заимствованных из русского языка, дает основание считать ударение в современном узбекском языке свободным, но имеющим тенденцию к фиксации на последнем слоге [11, с. 18].

Встает вопрос, какова роль ударения в изолирующих языках? В китайистике до сих пор проблема наличия/отсутствия словесного акцента остается неразрешенной. В литературе можно встретить прямо противоположные мнения по этому поводу. Т. П. Задоев пишет: «Более 90 % двусложных слов китайского языка имеют фонетическую структуру, характеризующуюся слогами полного образования, то есть слогами, содержащими не только полный тон (этимологический или комбинаторный), но и четко выраженное количество звукового состава» [5, с. 59]. Далее автор говорит о том, что такая структура китайского слова приводит к спорам относительно ударения в китайском языке: «...точки зрения авторов на ударение в китайском языке зачастую не только не совпадают, но и являются прямо противоположными. Одни из них считают, что «психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может» [13, с. 150]. Другие исследователи приходят к совершенно иным выводам. Е. Д. Поливанов настаивал на наличии ударения в китайском языке, но при этом он четко разграничивал акцент и тон [7, с. 39]. На той же позиции стоит и ряд современных исследователей [8, с. 159]. «Трудно согласиться с тем, что для китайца ударение на уровне слова фонологически не существенно, ибо ... ударение для китайского языка представляется единственным надежным признаком слова, манифестирующимся в языковой форме. Уже само положение тонов относительно друг друга создает эффект ударения» [14, с. 90].

Необходимо прояснить вопрос со статусом ударения в односложных словах, законность которого в языке почти никем не оспаривается: «Безударность не существует без ударности, а только лишь в противопоставлении последней, и одновременно в слове налицо и безударность и ударность. Но если нет безударности без ударности, то обратное неверно: ударность не предполагает с необходимостью безударности, сравни односложные слова» [9, с. 43].

Прав ли В. Б. Касевич «со товарищи»? Все зависит от того, с каких позиций рассматривать данное явление. Поскольку в мою задачу входило показать, как распределяются активные/пассивные роли между означаемым и означающим в процессе эволюционных преобразований, то исключительно с таких позиций я не вижу различий между словесным акцентом в словах с фиксированным ударением и в односложных единицах.

Подводя итоги всему вышеизложенному, хочу отметить следующее. Разная степень активности единиц плана выражения и плана содержания неизбежно порождает асимметрию составляющих любого языкового знака. Привлеченный к исследованию материал показал, что физическая сторона языка – гарант относительной стабильности, смысловая – источник перемен. Каждая система стремится к сохранению себя через равновесие, прочность отношений между своими членами, но парадокс состоит в том, что равновесие убивает систему, так как препятствует ее развитию. С другой стороны, если бы не содержание, а форма выступила бы в роли законодателя и диктатора языковых преобразований, то скорость изменений в языке резко бы увеличилась, что пагубно отразилось бы на коммуникативной функции языка.

Выявленные нами тенденции во взаимоотношении простейших и значимых единиц, по-видимому, проявляются и на «верхних этажах» языка, но это еще предстоит выяснить. Например, интересно было бы проследить роль подвижности/стабильности содержания/формы применительно к грамматическим категориям.

Литература

1. Алексахин, А. Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных / А. Н. Алексахин // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1.
2. Арапов, М. В. Квантитативная лингвистика / М. В. Арапов. – М.: Наука, 1988.

3. Бондарко, Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем / Л. В. Бондарко: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Л., 1969.
4. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Задоевко, Т. П. Ритмическая организация потока китайской речи / Т. П. Задоевко. – М.: Наука, 1980.
6. Зубкова, Л. Г. Принцип знака в системе языка / Л. Г. Зубкова. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
7. Иванов, А. И. Грамматика китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М.: URSS, 2007.
8. Карапетьянц, А. М. Типология основных единиц китайского языка / А. М. Карапетьянц: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1992.
9. Касевич, В. Б. Ударение и тон в речевой деятельности / В. Б. Касевич, Е. М. Шабельников, В. Б. Рыбин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
10. Маковский, М. М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур / М. М. Маковский. – М.: Наука, 1988.
11. Махмудов, А. Словесное ударение в узбекском языке / А. Махмудов. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960.
12. Николаева, Т. М. Просодическая схема слова и ударение как акт фонологизации / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2.
13. Румянцев, М. К. К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа / М. К. Румянцев // Вопросы китайской филологии. – М., 1974.
14. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М.: Восточная литература РАН, 1995.
15. Трофимова, Е. Б. Очерк фонетического и интуитивного слогаделения / Е. Б. Трофимова: дис. ...канд. филол. наук. – Самарканд, 1972.
16. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953.